

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 ФЕВРАЛЯ 1935
DIMANCHE, 3 FEVRIER 1935

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦИИ **50** cent.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 ФЕВРАЛЯ 1935
DIMANCHE, 3 FEVRIER 1935

№ 5064

16^e
ANNEE
34

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1er et 16 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА „ПОСЛЕДНІЯ НОВОСТІ“
(съ 1-го и 16-го числа каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France . . .	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger . . .	25	70	135	265
Перемена адреса — 1 фр. —	Changement d'adresse — 1 fr			

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
и въ ея отдѣленіяхъ, а также въ конторѣ
отдѣленій.
Цена Мѣсь Парижа и провинціи — 50 cent.
За-границей — 90 cent.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION

Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III. (Métro ; Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 90 cent.
Annonces: aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 81-52
конторы . . . ARCHIVES 88-00
отд. объявленій. TURBIGO 51-20, 51-21
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 78-17

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 5064

16-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
34

Въ театрѣ Чехова

17 января (ст. ст.) 1904 г. Москва справляла праздник Чехова.

А. П. не только не любилъ, но мучительно избѣгалъ всякихъ чествованій. Самое слово юбилей звучало для него лично, какъ угроза. Не разъ онъ говорилъ объ ужасномъ самочувствіи писателя, юбиляра, которому поднесутъ бронзовую чернильницу и заставить его держать въ рукахъ, пока поздравители будутъ читать привѣтствія «нашему дорогому, глубокоуважаемому...»

И Чеховъ всячески скрывалъ дату своего юбилея. Въ день его именинъ и рожденія московскій Художественный театръ назначилъ первое представленіе «Вишневаго сада».

Чеховъ доживалъ тогда послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Въ ту зиму онъ оставался въ Москвѣ, радовался этому очень, но несмотря на бодрое настроеніе, физически былъ слабъ: въ подточенномъ туберкулезомъ организмѣ догорали остатки силъ. Впрочемъ, никто тогда не думалъ, что черезъ полгода Москва, по лѣтнему опустѣлая, встрѣтитъ, привезенный изъ Германіи, гробъ съ тѣломъ писателя...

Премьеры Художественнаго театра всегда бывали большимъ событіемъ въ жизни Москвы. Задолго до новой постановки уже начинались въ публикѣ разговоры, предположенія, обсужденія. Но мѣръ приближенія къ генеральной репетиціи вознило роле. Отъ старыхъ барскихъ особняковъ на Поварской и на Арбатѣ съ многочисленными ихъ переулками до университетскихъ аудиторій и коридоровъ точно электрическій токъ проходилъ: — «Будете въ Художественномъ? Достали билетъ?».

Театръ былъ небольшой по размѣрамъ. Намѣренно небольшой, чтобы артистамъ не приходилось форсировать голоса, чтобы зрители интимнѣе чувствовали сцену. Абонементовъ въ то время у художественниковъ еще не было введено, и Москву буквально охватывала билетная лихорадка. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ полученіе билета по протекціи кого-нибудь изъ артистовъ ожидали съ немалымъ волненіемъ, чѣмъ ожидаютъ теперь въ Парижѣ «счастья» при розыгрышѣ національной лотереи.

Художественный театръ съ самаго своего

возникновенія стоялъ особнякомъ отъ другихъ театровъ. Онъ былъ «особенный», и публика была «особенная» или, во всякомъ случаѣ, казалась таковой. Между прочимъ, было «не принято» въ Москвѣ, чтобы въ этотъ театръ зрители являлись въ торжественныхъ вечернихъ туалетахъ: требовалось одѣваться «серьезно», потому что театръ Станиславскаго и Немировича не разсматривался, какъ забава или развлеченіе, а какъ мѣсто нѣкоего священнодѣйствія. Дамы бывали въ закрытыхъ платьяхъ, по преимуществу въ темныхъ. Московская роскошь не бросалась въ глаза въ Камергерскомъ переулкѣ, да она была бы тамъ, дѣйствительно, не къ лицу.

Ни бронзы, ни позолоты, ни хрустальныхъ люстръ, ни бархатныхъ креселъ, ни сверкающихъ зеркалами фойе. За дверями того подъѣзда, гдѣ висѣли узкія сѣрыя афиши, гдѣ, едва замѣтный въ мерцаніи фонарей, поднималъ надъ входомъ сѣрую голову изъ тяжелыхъ сѣрыхъ волнъ «Плювецъ» (скульптура Голубкиной), все рѣзко отличалось отъ обычныхъ театровъ. Темный дубъ, старыя драпировки, сѣрые «ковры», вездѣ заглушающіе шаги, матовыя продолговато-квадратные фонари съ неяркимъ свѣтомъ не располагали къ громкимъ восклицаніямъ, къ шумно-оживленнымъ разговорамъ.

Въ зрительномъ залѣ единственнаго тогда театра не было оркестра, не звучала музыка ни передъ спектаклемъ, ни въ антрактахъ. Глазъ, привыкшія къ расписнымъ занавѣсамъ, къ углубленію у рамы, гдѣ передъ началомъ программы обычно, въ драмѣ какъ и въ оперѣ, размѣщались музыканты, съ удивленіемъ охватывалъ строгія и прямыя линіи партера, немногихъ ложъ у самой сцены и останавливался на глубокихъ складкахъ раздвижнаго (тогда тоже новшество (сѣро-зеленаго занавѣса, на которомъ съ двухъ сторонъ выдѣлялись квадраты со стилизованной чайкой).

Сверху, черезъ высокій, построшенный клѣтчатый переплетомъ, барьеръ послѣдняго балкона задолго до начала спектакля склонялись головы: студенты, вообще учащаяся молодежь, которымъ посчастливилось сюда попасть, старались устроиться такъ, чтобы можно было лучше видѣть сцену. Разговоры вполголоса, заглушенные шопоты

публики, взволнованной всей атмосферой театра, складки совершенно, лишь только начинали медленно тускнѣть, а потомъ еще медленно гаснуть въ залѣ квадратные фонари. Напряженіе доходило до послѣдняго предѣла. Оно оцущалось во всей толпѣ, передавалось въ ней отъ человѣка къ человѣку, слышалось въ переводимомъ съ трудомъ дыханіи. Когда послѣднія красныя точки, похожія на потухающіе угли, исчезали въ матовыхъ стеклахъ, залъ погружался въ полный мракъ. Это бывало самая невыносимая минута. Казалось, что она никогда не пройдетъ. Потомъ въ безпросвѣтной чернотѣ вдругъ становились постепенно различимы занавѣсы. Еще секунда... Онъ чуть вздрагивалъ, складками морщились квадраты съ чайкой, и начинали медленно отдѣлаться одинъ отъ другого. Ползла, точно живое существо, сѣро-зеленая ткань и открывала сцену.

Коренные москвичи, вообще всѣ тѣ, кто зналъ Художественный театръ не по его гастролямъ только, хорошо помнятъ, что этотъ театръ овладевалъ зрителемъ не только со сцены и черезъ сцену, но дѣйствовалъ на него всей своей обстановкой, исключительнымъ какимъ-то своимъ духомъ, или, какъ нѣкоторые говорятъ, «настроеніемъ». Уже задолго до открытія занавѣса зритель оказывался во власти театра и потому отдавался дѣйствию цѣлкомъ. Не дѣйствию въ обычномъ смыслѣ этого слова, подразумевающему сильное драматическое нарастаніе въ самой пьесѣ, а, вѣрнѣе, воздѣйствию всего того, во что погружалось его напряженное зрѣніе и напряженный слухъ — всѣмъ деталямъ постановки, вотъ этимъ длиннымъ волнующимъ паузамъ, тихимъ, часто отдаленнымъ звукамъ («...въ шалѣ бадья ушла»... «Вишневый садъ»). Безъ подчеркнутыхъ завязокъ и драматическихъ развязокъ, на сценѣ могла неторопливо проходить жизнь, даже медленно ползти, вотъ какъ сѣрая ткань занавѣса съ чайкой, и зритель не торопился ее. Онъ не скучалъ, не искалъ эффектовъ. Чѣмъ медленнѣе становился темнѣе, тѣмъ какъ то ближе и полнѣе принимала душа къ «бездѣйствующимъ» лицамъ этой почти что остановившейся жизни. Въ «Вишневомъ садѣ» на коннахъ свѣжаго сѣна сидятъ чеховскіе герои. Настроеніе томительное, лѣнивое, ничего имъ не хочется. Гитара тренькается... И на разные голоса лѣниво повторяютъ всѣ одну и ту же фразу:

— Епиходовъ идетъ... Епиходовъ идетъ...

Лишь напряженный внутренній слухъ, который именно только Художественный театръ умѣлъ въ высшей степени разбудить въ зрителѣ, улавливаетъ въ этой томительной лѣни очень отдаленное, совсѣмъ незамѣтное приближеніе грозы. Впрочемъ, громъ не грянетъ оглушительно, и молніи не ослѣпятъ — это было бы не по-чеховски, — а сильный ливень смоемъ безъ особаго шума всѣхъ этихъ людей съ ихъ лѣниво-насыженнымъ мѣста.

Характерно, что аплодисментовъ почти не зналъ Художественный театръ, какъ не зналъ и вызововъ. То же было «не принято» — не къ лицу. Зато послѣ спектакля не поднимались торопливо и сразу съ мѣста, не шумѣли. Публика, подчиняясь театру, выдерживала и переживала свои паузы, когда вглубь души, какъ вглубь рѣки, опускались полученные впечатлѣнія.

И, вотъ, именно въ такомъ театрѣ нашелъ и себя, какъ драматурга, и своего зрителя Чеховъ. «Чайка», провалившаяся въ Александринкѣ, преобразилась за сѣрымъ занавѣсомъ художественниковъ, создала для нихъ цѣлую новую эпоху, утвердила ихъ стиль, ихъ школу, стала ихъ эмблемой. И это не удивительно. «Бездѣйственные» томительныя чеховскія пьесы оказались не ко двору въ обычномъ театрѣ: вѣроятно, и актеры и публика не знали, какъ къ нимъ подойти, что въ нихъ взять. Актеры привыкли искать «выигрышныхъ ролей», публика привыкла къ «захватывающему драматизму». Старый театръ ударялъ по нервамъ. У Чехова ни темперамента, ни вкуса къ этому не было. Онъ могъ только тихо разматывать сѣрый клубокъ жизни, неторопливо тянуть ея нить. Художественный театръ сумѣлъ захватить тоненькой чеховской ниточкой ту глубину и затаенность человеческихъ душъ, гдѣ нѣтъ мѣста ни «безумному отчаянію», ни «отчаянному безумству», гдѣ не слышно, но больно скребется тоска, а иногда скопляются, какъ капли осенняго дождя, слезы подавленной безнадежности, безпомощныя, стыдливо скрываемыя слезы неудачной жизни, хмурой судьбы, не знающей жалости къ «хмурымъ людямъ».

«Вишневый садъ» было послѣднее, что подарилъ Чеховъ своему любимому театру, а черезъ него русской публикѣ и, прежде всего, Москвѣ, столь же любимой имъ, какъ и театръ.

И театръ и Москва точно чувствовали, что

принимаютъ послѣдній подарокъ. Театръ вложилъ всю душу, всѣ силы, всю предусмотрительную тонкость въ постановку. Москва волновалась, кипѣла, ждала спектакля, какъ величайшаго событія.

Въ публикѣ толковали о деталяхъ постановки, дѣлились слухами изъ десятыхъ усть.

Москва литературная, театральная, университетская под-сурдинку готовила чествованіе 25-лѣтняго литературнаго юбилея писателя. «Общество любителей русской словесности» и другія общества по секрету обсуждали предстоящее торжество, зная при этомъ, что Чеховъ не захочетъ юбилея, испугается. Но какъ же было не чествовать, хотя бы и насильственнымъ сюрпризомъ? Могла ли Москва отъ этого отступить? Разговоры о первомъ представленіи «Вишневаго сада» проникали даже сквозь стѣны закрытыхъ среднихъ учебныхъ заведеній. И тамъ потихоньку шептались о Чеховѣ, о его пьесѣ.

Даже старые московскіе навозчики, сѣдые Ваньки на сѣдыхъ лошадяхъ, которые всегда по своему участвовали въ большихъ событіяхъ московской жизни, неграмотные, по слухамъ отъ сѣдоковъ, уже знали, что предстоитъ нѣчто. Впрочемъ, премьеры Художественнаго театра они всегда знали и, подводя къ мѣсту, принимая серебряную мелочь, бывало говорили:

— Уже въ Камергерскомъ новая представленія будетъ... Прикажете подать? Нынче, слышь, всѣ господа туды собираются... Такъ прикажете подать?

Погасли красныя точки въ матовыхъ фонаряхъ. Въ темноту погрузился залъ. Потомъ поползъ занавѣсъ. Москва впервые увидѣла «Вишневый садъ». И въ послѣдній разъ увидѣла она Чехова.

Писатели, незамѣтно присутствовавшего въ залѣ, публика потребовала на сцену. Требовала горячо, настойчиво. Ему пришлось уступить, и выйти. Онъ къ этому совсѣмъ не готовился, еще меньше готовился къ юбилейному чествованію. Не по торжественному во фракѣ, а въ обыкновенномъ пиджакѣ, появилась высокая худощавая фигура А. П.

Близорукими своими глазами черезъ пенсне онъ, конечно, не видѣлъ хорошенько зала, который на этотъ разъ нарушилъ сосредоточенную тишину Художественнаго театра, но слышалъ, какъ кипѣлъ этотъ залъ отъ овацій. Чехова обступили представители

общества и организаціи, раскраснѣвъ шапкой съ адресами, появились дамы, дѣтки.

Смущенный, сразу утомившійся отъ шума, Чеховъ должно быть черезъ силу стоялъ подъ каскадомъ привѣтствій.

— Сядьте, Антонъ Павловичъ, сядьте, просимъ! — кричали изъ публики.

На сценѣ поставили ему стулъ. Но Чеховъ не сѣлъ.

«Юбилейные мучители», въ концѣ концовъ, поняли, что торжество дорогого обидится большому писателю, и заваявъ скоро закрыли. Но долго еще несли вѣнки и цвѣты, и долго еще волновалась и не расходилась публика...

Послѣдующіе дни и недѣли были полны обильнымъ впечатлѣніемъ о «Вишневомъ садѣ», о юбилеѣ Чехова. Кому кажется на своемъ дѣлѣ поднесли тогда и чернильницу, юбилейную чернильницу, о которой онъ говорилъ съ шутивыми ужасомъ.

Именины, день рожденія (Чехову исполнилось тогда 44 года), 25-лѣтіе литературной дѣятельности, первый спектакль новой пьесы — все это соединилось въ одинъ праздникъ 17 января 1904 года... Какъ стремилась тогда Москва выразить Чехову свою любовь. Видѣ его именно любили. Лично любили, какъ рѣдко кого изъ писателей.

И рѣдко кого такъ сердечно жалѣли, какъ жалѣли Чехова, когда его не стало.

31 годъ миновало со дня Чеховскаго праздника. 30 лѣтъ существуетъ уже безъ Чехова его любимый театръ, но онъ продолжаетъ еще во многомъ жить Чеховымъ: и нынче, ни потрясенія революціи не сбили «Чайки» съ сѣро-зеленаго занавѣса и попрежнему идутъ чеховскія пьесы, плетъ «Вишневый садъ», сохранился и подходъ къ театральному искусству старый духъ художественниковъ. Изъ старой гвардіи многіе еще играютъ и даже свои прежнія роли. Но многихъ и не стало.

Но безвкусица коммунизма все же оказалась въ очень обидной, искажающей всю исторію театра формѣ: театръ чеховскій «Чайки» теперь называется театромъ имени Горькаго (?!). Стронтели социализма не постыдились нацѣпить на знаменитый русскій театръ эту неумѣстную клеймящую вышивку, а Горькій, конечно, не постыдился «принять подарокъ» и, какъ дегтекъ, мазнуть своимъ псевдонимомъ не бѣлой чайкѣ, но чистому имени Чехова.